

ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА-ВОИНАМ АРМИИ И ФЛОТА

ПАМЯТЬ ЖИВА

Виктор АСТАФЬЕВ,

лауреат Государственных премий СССР и РСФСР

Пишу роман о войне, и память, как старая рана солдата, все мозжит и саднит, а иной раз так ударит в самое сердце внезапной, долго не отходящей болью, что вскинешься среди ночи, тихонько подойдешь к окну и стоишь, вглядываясь в немую непроглядную даль. И вспоминается не грандиозность переломных сражений войны, не масштабность решающих операций — откуда было нам, рядовым труженикам войны, тогда знать эту грандиозность и масштабность, — а ясным видением всплывает в памяти то, как, например, однажды в Карпатах мы чуть ли не сутки напролет лежали, вжимаясь в неподатливую землю, а вокруг и меж нас сатанинскими цепями молотили тяжелые мины, и одна из них достала-таки меня рваным горячим осколком...

Вспоминается и Днепр, бесконечно широкий, особенно когда переплываешь его под пулями и снарядами в одежде и с автоматом...

И морозное метельное утро вспоминается, полусасыпанный снегом окоп, крошки каменно-мерзлого, разбитого автоматной очередью — ничем другим его разубить нельзя было — хлеба в горсти. Чья-то теплая рука, сострадательно сунувшая мне маленький кусочек оттаявшего уже мякиша. И незнакомый, слышно, пожилой уже голос:

«Пожуй, сынок, маленько. Ишь как тебя простудная хворь скрутила...»

И вот это вспоминается. В Польше это было. Война уползала на запад. Некоторые, правда, пишут: «Война катилась на запад». Неправда, не катилась она, не хотела катиться назад, а яростно цеплялась за каждый метр земли, и только неимоверно тяжкие усилия советских воинов, нашего великого народа заставляли ее пятиться все дальше и дальше — к краю своей могилы...

Так вот, было это в Польше. Остановились мы на передышку в усадьбе с садом. И дом, и сад были повреждены минами и снарядами, а посреди сада валялась разбитая осколками богиня Венера. Жалко было сад, жалко богиню, и наш солдат-связист взялся гипсом склеивать статую. Он так увлекся этой работой — исцелением красоты, «оживлением» растерзанной войной богини, что позабыл об отдыхе и еде, исхудал весь. Для него, как мы понимали, в тот момент не существовало ничего — ни войны, ни разрухи, ни выпцеливающей нас повсюду смерти, ни мучительно тяжкого, до коросты на плечах солдатского нашего труда. И прка не грохнул рядом роковой снаряд, он возродил из бесформенных обломков статую богини любви. Возрождал красоту. Возрождал саму жизнь.

И сейчас, спустя почти сорок лет, в душе каждого фронтовика, я уверен, живет это удивительно светлое, нетускнеющее чувство доброты...

Помнится, в одном из рассказов я писал о том, как занедужившего однажды старого солдата везли на подводе в санаторий, где лечился солдат, и дорога шла через пшеничное поле, мимо огородов с горевшими тысячами солнц подсолнухами, мимо деревень, и виделись поля и огороды, обнесенные колючей проволокой, оставшейся от недавней войны, гнутыми спинками солдатских кроватей и рамами военных машин. Калитки были сделаны из дверок бронетранспортеров и крыльев самолетов, подле них играли дети, женщины варили в оградах еду.

И новые деревни с молоденькими, но уже плодоносящими садами встречались на пути. В одном из них одиноко ударил житель этих мест — соловьишко. Он еще боялся петь ночью, но днем, при солнце и людях, пробовал свой голос. Вдруг ему ответила перепелка. Этой поддержки достало соловью. Он разошелся, затрещал, зашелкал, рассыпая звонкие горошинны в надежде, что они прорастанут на земле многими песнями.

И они проросли. Жизнь взяла свое, она неистребима. Спасенная от поругания, обижоженная добрыми, привычными к труду руками нашего народа, земля возродилась, затянула на своем теле раны войны.

Я недавно был на Алтае. Далекий Алтай от днепровских круч, от горбатых перевалов Карпат, но сколько сынов алтайской, да и всей сибирской земли встречал я на тех фронтовых дорогах, сколько друзей обрел и потерял там.

С одним из моих фронтовых друзей — Петром Герасимовичем Николаенко — крестьянином, землепашцем — заехали мы недавно в Барнаул в семью Савинцевых. Сам Матвей Савинцев, тоже фронтовой связист, смелый и советливый солдат, сложил голову на Украине, а жена его Пелагея Николаевна и дети живут на Алтае.

Посидели мы за поминальным столом, по деревенскому обычаю помянули друга-солдата и всех, кто не пришел с войны, и долго потом болела и тревожилась моя душа, да и сейчас она неспокойна, и как-то горше, острее стало думать о том, что есть еще в мире зло, что копит оно для нас атомную смерть, огораживает нашу страну частокон-

лом крылатых ракет и «Першингов». Зло это не абстрактное. И мы хорошо знаем его.

Я иногда думаю вот о чем: что было бы, если на пути фашизма неодолимой силой не встал бы советский народ, его армия. И не нахожу ответа, потому что невозможно представить себе гибель целых стран и народов, гибель цивилизации, культуры, всех духовных ценностей, многими веками создаваемых человечеством.

Невозможно представить, но тем не менее угроза этой гибели реально существует. Особенно сейчас, когда в ином стане не унимаются новые, не менее опасные, чем прежние, «вершители» судеб мира, ретивые «ястребы», приходящие в бешенство от того, что все-таки мы живем по-нашему, а не по-ихнему.

Мы оптимисты и верим: разум на земле победит. Разум — сила несомненно великая, но в создавшейся накаленной обстановке, как никогда, надо держать порох сухим. Мы, фронтовики, хорошо помним, как, бывало, накануне боя каждый из нас, сидя в окопе, еще и еще раз протирал чистой ветошью оружие, выдувал из всех деталей пыль и песчинки, пробовал на палец остроту штыка, пересчитывал и готовил боеприпасы...

Бывая в воинских коллективах или просто встречаясь на улице с военными людьми, я всегда с особым пристрастием смотрю на них. Они хорошо знают историю страны, армии, чтят и достойно несут традиции фронтовиков. И я уверен: в суровых испытаниях они не смалодушничают.

Не так давно увидел я в газете фотографию: стоят плечом к плечу пятеро молодых, красивых офицеров, и на груди у каждого — Золотая Звезда Героя Советского Союза. Увидел и поначалу удивился: в мирное время, такие молодые — и уже Герои. А потом рассудил: что же тут удивительно? Разве не их отцы и деды воевали мужественно и геройски, до конца выполняя свой долг? И разве не на подвигах отцов и дедов воспитаны эти воины? Боевые традиции фронтовиков не потускнели, они по-прежнему крепки, обогащаются новым содержанием. И это нас, старых солдат, конечно же, радует. И хотелось бы, чтобы и впредь моральные устои вооруженных защитников Родины были неизблемы, чтобы всегда острым было чувство ответственности за судьбу своего народа, своей великой страны.